

М.Диденко

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНОСТИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

Проблема публичности находится ныне в фокусе исследовательского интереса многих отечественных и зарубежных социологов. Возрастающее внимание к ее изучению обусловлено, с одной стороны, структурной трансформацией “публичной сферы”, или в более широком смысле – “публичного пространства современного социума”, а с другой – повышением общественного спроса на “публичность” как на инструмент обретения социальных благ – признания, власти, богатства и т.д. Кроме того, феномен “публичности”, будучи сам по себе теоретически малоисследованным, неразрывно связан с такими уже известными в социологии концептами, как “публичная сфера” и “публичное”, и чаще всего описывается либо как характеристика определенной сферы общественной жизни, либо в контексте бинарной оппозиции “публичное – приватное”. Наша задача видится в систематизации различных подходов к определению публичной сферы и в попытке определения феномена публичности как ее основного атрибута.

В качестве отправной точки теоретического обзора используем классификацию подходов к пониманию публичности, предложенную американским политическим социологом Дж.Вайнтраубом [1]. Он разграничивает два основополагающих вида представлений, связанных с понятием “публичного”. Во-первых, “публичное” – это то, что открыто или явлено, видимо или доступно другим как противопоставленное тому, что скрыто или удалено из вида (и что тем самым образует “приватное”); во-вторых, это то, что коллективно или влияет на интересы коллектива в противоположность индивидуальному (приватному). Подобное различие носит скорее аналитический, нежели фак-

тологический характер, и тем самым способствует спецификации различных модусов существования феномена публичности. Так, например, публичность может пониматься как способ личностного самовыражения, своего рода самореклама, осуществляемая путем сознательного вынесения на всеобщее обозрение тех или иных элементов частной жизни. С другой стороны, публичность зачастую приравнивается к массовости, обозначая тем самым важнейшую характеристику ряда социальных явлений.

Наряду с классификацией представлений о публичности Дж.Вайнтрауб выделяет четыре главных способа употребления этого понятия в гуманитарных науках. К их числу относятся:

➤ либерально-экономическая модель, связанная с анализом публичной политики, где публичное понимается как сфера государственной политики и управления, будучи противопоставлена “приватному” сектору рыночной экономики;

➤ либерально-демократический подход, связанный с так называемыми добродетелями республики (*republican virtue*), где публичная сфера рассматривается в терминах гражданского и политического сообщества;

➤ социокультурный подход, который связывает публичную сферу с общением, миром, где люди встречаются и взаимодействуют в публичном пространстве, и изучает культурные практики, правила и конвенции, структурирующие общественную жизнь;

➤ “прогендерный” подход, а точнее, тенденция в экономической истории и феминистском анализе, где различие между приватным и публичным понимается в рамках различия между семьей (приватным) и рыночной экономикой (публичным).

Согласно *первому подходу* государство принимает на себя роль публичной власти как инстанции, отвечающей за коллективный интерес частных индивидов, преследующих свой собственный, индивидуальный интерес в сфере экономического рынка. В таком случае в качестве публич-

ной сферы выступает государственная администрация, занимающаяся, в самом широком смысле, определением правил игры и претендующая на осуществление коллективного действия, независимо от того, делается ли это открыто или скрытно. Несмотря на то, что подобная трактовка публичной сферы применима прежде всего в рамках социологии политики, политологии и экономической теории, она является также особо ценной для общесоциологического понимания феномена публичности, так как акцентирует внимание на деятельностном аспекте последнего.

Второй, либерально-демократический, или критический, подход помещает в центр внимания способность людей формировать политическое сообщество или политическую публику, принимать участие в процессе обсуждения общественно значимых вопросов и действовать сообща независимо от государственной власти или в оппозиции к ней. В рамках этого подхода можно выделить два основных направления.

Первое обычно связывают с именем Ханны Арендт, которая определяет публичную сферу в ее классическом первичном виде, как “вторую жизнь” человека, вышедшего из сферы частной повседневности. Образцом и родоначальником публичной сферы является, по мнению Арендт, древнегреческий полис, в котором свободные граждане собирались вместе для коллективного принятия решений. В последующем же пространство публичного постоянно расширялось по пути появления в нем тех видов деятельности, которые “выступили из хранительного мрака домашних стен”. Таким образом, публичная сфера, будучи изначально сугубо политической единицей, постепенно преобразовалась в пространство общестественности, а социум – в “форму совместной жизни, где зависимость человека от ему подобных ради самой жизни и ничего другого достигает публичной значимости и где вследствие этого виды деятельности, служащие единственно поддержанию жизни, не только выступают на

открытой публичной сцене, но и смеют определять собою лицо публичного пространства” [2].

Второе направление, существующее в рамках либерально-демократического подхода, представлено Ю.Хабермасом, которому собственно и принадлежит сам термин “публичная сфера” [3], используемый им для обозначения “грамотного буржуазного общества” (и позже “общества в целом”), способного действовать в качестве критического противовеса государству. В более широком смысле публичная сфера, согласно Хабермасу, представляет собой некую неформальную сеть для обмена информацией и точками зрения, которая воспроизводится через коммуникативное действие. Кроме того, она рассматривается уже не просто как некое социальное или коммуникативное пространство, а как политический институт, выполняющий функцию артикуляции общих интересов отдельных людей путем постоянно идущей рациональной дискуссии, или, говоря точнее, функцию выработки “общественного мнения”.

В данном ключе уместно вспомнить размышления предшественника Ю.Хабермаса Г.Тарда, который посвятил свой труд “Общественное мнение и толпа” изучению проблем публики. Он, по словам Хабермаса, “был одним из первых, кто осуществил его [анализ общественного мнения. – М.Д.] надлежащим образом”, так как признавал, что публику отличает “движение мнений, которое она порождает” [4]. Мнение для публики, по определению Тарда, “есть то же, что душа для тела, и изучение одной естественно ведет нас к другому” [5]. Для того чтобы мнение обрело свой статус, считает он, необходимы два основополагающих условия: схожесть суждений, его конституирующих, и их отнесенность к одному и тому же предмету, известному широкой общественности.

Представляется, что важной заслугой Тарда является не столько прояснение механизмов превращения толпы в публику и даже не определение мнения как основного продукта публичной сферы; а, скорее, упоминание о той

категории ее участников, которые это мнение формируют и транслируют власти, – о представителях СМИ. Именно пресса и коммуникация объединяют людей, превращая их из разрозненных индивидов в сплоченную публику, т.е. можно сказать, имеют непосредственное отношение к производству “публичности”.

Сопоставление точек зрения Х.Арендт и Ю.Хабермаса на определение сущностных характеристик понятия “публичная сфера” позволяет констатировать наличие между ними довольно значимых различий. Кратко их можно свести к следующему.

Во-первых, если для Х.Арендт необходимым условием существования публики является зрительный и пространственный контакт (как на греческой агоре), то Тард, а позже Хабермас, акцентируют не столько “видимость” членов публики друг другом, сколько то, что они слышат друг для друга, благодаря росту книгопечатания и развитию массовой коммуникации. И если для Арендт в описании публики важны пространственные метафоры (отождествление приватности с “домом”, а публичности – с “городом и его стенами”), то Хабермас предпочитает описывать ее как виртуальную общность, идентичность которой складывается с ростом печатных изданий и образована общностью тех, кто читает, пишет и интерпретирует.

Во-вторых, если Арендт констатирует упадок публичной сферы в условиях модерности в связи с трансформацией приватности в частную жизнь высшего порядка – “интимность”, то Хабермас отмечает возникновение в ходе Просвещения новой формы публичности – публики частных индивидов, вместе обсуждающих общественные проблемы, опираясь на прочитанную в медиа информацию.

В-третьих, для Арендт публичное пространство представляет собой арену действий людей (*vita activa*), объединенных схожими ценностями и находящимися в непосредственном взаимодействии. Хабермас же мыслит публичную сферу как принципиально внеличностный феномен, в котором не столько осуществляются действия, сколько

происходит коммуникация, обмен информацией, мнениями. С этим связано также принципиальное различие в определении исторического периода становления публичной сферы представителями различных направлений, существующих в рамках либерально-демократического подхода. Последняя, по мнению Арендт, возникает в период зарождения древнегреческой демократии, в то время как Г.Тард и Ю.Хабермас связывают ее становление с развитием книгопечатания, а впоследствии – и с появлением средств массовой информации.

К представителям либерально-демократического подхода можно причислить также П.Бурдьё, который формулирует концепт публичной сферы в контексте собственной теории поля. Он называет ее “полем масс-медиа” [6], где наряду с борьбой за обладание другими видами капитала ведется соперничество за капитал символический, а именно, за капитал известности и признания. Несомненный интерес представляет выработанная Бурдьё классификация субъектов этого поля, включающая три крупные группы: собственно публика, потребляющая информацию масс-медиа; служащие масс-медиа (журналисты), осуществляющие влияние на представителей первой группы посредством селекции “нужной” информации; и, наконец, группа людей, которых принято называть “публичными” и среди которых, собственно, и ведется борьба за обладание капиталом признания. Таким образом, исходя из различения пространственного и функционального контекстов рассмотрения публичности, можно констатировать, что теория П.Бурдьё является примером первого, так как полагает публичную позицию в качестве статичного капитала, распределяемого в поле масс-медиа.

Несмотря на существующие в рамках описанного подхода противоречия, важно заметить, что всеми его представителями публичная сфера рассматривается в качестве своеобразного аккумулятора и ретранслятора идей общественности, а основной ее функцией является формирование общественного мнения.

Наиболее широкое понимание публичного как сферы поведения и деятельности, в которой люди открыты наблюдению и доступны друг для друга (“публичное пространство”), как сферы публичной жизни, где имеют место каждодневные встречи и взаимодействия, находим в центре *третьего, социокультурного, подхода*. В социологии (например, в работах И.Гофмана), а также в социальной истории (Н.Элиас, Р.Сеннет, Ф.Арьес, Й.Хейзинга) исследования публичной жизни как форм общения посвящены объяснению правил взаимодействия, эмоциональных и речевых стандартов обращения друг с другом на публике, организации публичного пространства и т.п.

Так, в драматургической социологии И.Гофмана “публике” в структурировании социального взаимодействия отводятся доминирующие позиции, так как без нее в принципе невозможно существование жизненного “театра”. Причем, в данном случае, публика качественно переосмысливается, так как предполагается, что она может существовать не только на уровне некоего коллективного восприятия или противопоставления индивида “другим”, но также на уровне саморефлексии и соотнесенности индивида с образом “обобщенного другого”. Можно вспомнить, что, по сути, противоположную идею высказывал другой представитель социокультурного подхода – Р.Сеннет, и состояла она в том, что публичность обеспечивает человеку его легитимацию окружающими, в то время как приватность выполняет функцию самолегитимации. Сам же Гофман трактует дихотомию “публичное–частное” через понятия “переднего” и “заднего” планов, характеризующих события, которые происходят на публике и протекают за кулисами публичной сферы.

Что же касается социально-исторического или социогенетического направления в изучении публичности, то представляющие его авторы склонны определять публичную область как сферу широкой общественности, в которую на разных этапах развития общества выносятся различные конфигурации элементов частной жизни индивидов. Со-

циогенетический подход имеет особое значение для концептуализации публичности, так как большей частью направлен на изучение особенностей функционирования публичной сферы в различные исторические эпохи, начиная с наиболее показательного Средневековья и заканчивая эпохой модерна. Подобный исторический анализ не только дает возможность проследивать тенденции функциональных трансформаций публичности, но и демонстрирует зависимость публичной сферы от локальных социокультурных контекстов.

Отдельного рассмотрения в контексте социогенетического направления заслуживает теория Р.Сеннета, так как он является одним из немногих его представителей, которым удалось на основе анализа конкретных социально-исторических явлений выработать сравнительно целостную концепцию публичности. Публичная сфера в его понимании – понятие максимально широкое, так как основная цель самой публичности видится ему в “смещении людей и различных видов деятельности” [7]. В результате исторического анализа взаимодействия публичной и приватной сфер Р.Сеннет приходит к определению основного противоречия, существующего между ними в современном мире, которое заключается в том, что публичная жизнь начинает восприниматься слишком “лично” – “люди очень лично, в терминах личных ощущений относятся к общественным делам, распоряжаться которыми надлежащим образом можно лишь как с безличными” [7]. Таким образом и границы, существовавшие ранее между этими сферами, изменяются и становятся взаимопроницаемыми.

Имеется принципиальное различие между социокультурным и либерально-демократическим (Тард, Хабермас–Арендт) подходами. В рамках первого существование публичной сферы объясняется необходимостью выполнения возложенных на нее важных социальных функций (социального контроля, легитимации и т.п.); в то время как для представителей второго она служит исключительно

но в качестве среды, где вырабатывается и транслируется общественное мнение, функциональность которого значительно превышает ее собственное значение. В качестве исключения из этого положения можно привести разве что пример Х.Арендт, касающийся возникновения публичной сферы в греческих полисах: здесь действительно, помимо реализации функции производства общественного мнения, публичная сфера имела также важное стратификационное значение, так как выделяла ее участников из низшей, приватной сферы домашнего хозяйства и превращала их таким образом в класс “людей свободных”. Тем не менее, следует иметь в виду, что, несмотря на концептуальные расхождения между публичной сферой как политической областью коллективного действия (подход Хабермаса и Арендт) и общественной жизнью как полиморфным общением (социогенетический и гофмановский подход), в практиках исследования они тесно взаимосвязаны.

Четвертый, выделяемый Вайнтраубом, *подход* в большей степени связан с определением приватной сферы, сферы семьи, интимности и экономики домашнего хозяйства как “женской сферы”, в противоположность которой мужская внесемейная экономическая и политическая деятельность полагается как “публичная”. Можно сказать, что подобный подход принадлежит скорее к сфере теорий гендера, чем к сфере изучения публичности, поэтому обозначить теоретиков, которые работают исключительно в его рамках, достаточно сложно. Тем не менее, его основные принципы присутствуют в теориях и Х.Арендт, и Р.Сеннета, а появляются еще задолго до них. Так, речь об этом шла еще у Ксенофонта: “Обычай указывает также, что для мужчины и женщины приличны те занятия, к которым бог даровал каждому из них больше способности: женщине приличнее сидеть дома, чем находиться вне его. А мужчине более стыдно сидеть дома, чем заботиться о внешних делах” [8].

Арендт, разграничивая древнегреческую сферу “приватного” и “публичного” по аналогии со сферами “дом” и “общественная деятельность”, считает, что в их пространстве конструируются отношения власти между полами. В структуре таких отношений женщина приравнивалась по статусу к рабыне, так как вся ее деятельность была обусловлена потребностью в выживании и удовлетворении нужд собственного тела, а следовательно, носила чисто “трудовой” характер и замыкалась в рамках приватной сферы.

Для Сеннета гендерный аспект публичности существует в морально-этическом контексте. Он отмечает, что публичное как область неморального означало для мужчин и женщин нечто разное – “для мужчины неморальность публичной жизни была связана с подразумевавшимся пониманием имморальности как пространства свободы, а не просто бесчестия, как то было для женщины” [7]. Едва ли подобный “прогендерный” подход способен претендовать на автономную “гендерную теорию публичности”, однако нельзя не признать, что он способствует прояснению еще одной, не присутствующей в других подходах, социальной функции последней.

В результате проведенного анализа четырех теоретических подходов к изучению публичности и публичной сферы становится возможным выделить две взаимодополняющие перспективы рассмотрения публичности: пространственную, полагающую ее в качестве статичной характеристики публичного пространства; и функциональную, предписывающую изучать ее социальные функции. Кроме того, можно предположить, что чем более узкой является сфера обозрения публичности (либерально-экономический и гендерный подходы), тем более смещено направление ее анализа в сторону функциональности. И напротив, чем более разносторонним представляется нам субъект публичного пространства, тем больше внимания уделяется изучению его структурных и статусных характеристик. Таким образом, ключевыми вопросами,

требующими разрешения в процессе спецификации феномена публичности, являются определение субъекта публичной сферы и в связи с этим интерпретация ее функционального предназначения с учетом локального социокультурного контекста.

В завершение подчеркнем еще раз, что ни полноценной теории, ни отдельной концепции публичности на сегодняшний день в социологической науке не существует, все представленные авторы прибегали к ее изучению в качестве эпифеномена, исключительно в рамках собственных более широких теоретических конструкций (“коммуникативного действия”, “социокультурного поля” и т.п.). Именно поэтому основное значение предложенной систематизации подходов к рассмотрению и пониманию статусов публичности состоит в определении исходного теоретического ресурса для последующих концептуализаций.

Литература

1. *Weintraub J.* Varieties and Vicissitudes of Public Space // *Metropolis: Center and Symbol of Our Times*, Philip Kasinitz, Ed., 1995. – P. 280–319.
2. *Арендт Х.* Vita Activa, или О деятельной жизни. – СПб., 2000.
3. *Хабермас Ю.* Структурная трансформация публичной сферы. – М., 1989.
4. *Московичи С.* Век толп. – М., 1996.
5. *Тард Г.* Общественное мнение и толпа. – М., 1902.
6. *Бурдьё П.* О телевидении и журналистике. – М., 2002.
7. *Сеннет Р.* Падение публичного человека. – М., 2002.
8. *Ксенофонт.* Домострой // Воспоминания о Сократе. – М., 1993.